

10. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009 –268 с.

УДК 94(520)

КОРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ В ЯПОНИИ 1923 Г.

Гайкин Виктор Алексеевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Центр японоведения Института истории, археологии

и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН.

unara49@mail.ru

KOREAN POGROMS IN JAPAN, 1923.

V. A. Gaikin.

Cand.Sc (History), senior researcher of Dept.

of Japan, Institute of History, Archaeology and

Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS.

unara49@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье впервые в отечественной историографии даётся описание и анализ причин корейских погромов в Японии в сентябре 1923 г., коими стали 1. действия разных ветвей власти с целью перевода на корейскую диаспору вектора народного недовольства; 2. как бы стихийная, массовая, антикорейская истерия населения как результат индуктивно наведённой воли руководства страны.

ABSTRACT

The article provides a description and analysis of the causes of Korean massacre in Japan in September 1923, which were 1. activity of the different branches of government in order to transfer to the Korean diaspora the vector of

popular discontent, 2. like spontaneous, mass hysteria of the population as a result of induced inductively will of the establishment of the country.

Ключевые слова: Япония, землетрясение в Канто, корейские погромы, корейская диаспора, дзикэйдан, полиция, роль СМИ.

Keywords: Japan; earthquake in Kanto; massacre of Koreans; the Korean diaspora; dzikeydan; the police; the role of media.

1 сентября 1923 г. серия подземных толчков встряхнула восточную часть Канто, самого густонаселённого индустриально развитого региона Японии. Самый страшный ущерб и огромные человеческие жертвы были следствием гигантского пожара, вала огня. Только в Токио и Иокогама погибли 80 тысяч чел.,

Рис. 1. Токио после землетрясения

Начальник Токийского управления полиции Акаикэ Ацуси, участвовавший в усмирении «Рисовых бунтов» 1918 г. (массовые волнения населения из-за повышения цен на рис) считал, что нехватка продовольствия может снова стать причиной антиправительственных выступлений. Если сотни тысяч, пострадавших от стихийного бедствия, лишившихся жилья людей останутся без пищи «невозможно предугадать что они предпримут [1, с. 211]. Акаикэ на совещании рекомендовал ввести в Токио военное положение [4, с. 17].

Уже после полудня 1 сентября в г. Йокогама и г. Кавасаки начали циркулировать слухи о появлении групп, взбунтовавшихся корейцев (позже они были признаны ложными)

После аннексии Японией в 1910 г. Корея была включена в состав Японской империи. Однако, как отметил американский исследователь Edward W. Wagner., «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан» [19, с. 9]. Тем не менее, право на въезд и проживание в Японии в качестве «гастарбайтеров» они получили, поэтому аннексия Кореи стала точкой отсчёта создания в Японии самой большой за пределами Кореи корейской диаспоры. В 1925 г. из 103 тысяч гастарбайтеров в Японии 54,5% составляли строительные рабочие; 28% - фабричные рабочие; 8,3% - шахтёры; 6,7% - слуги, домработницы; 1,8% - докеры (грузчики) [9, с. 9]. Специфический менталитет японцев и иерархичность их мировидения отразилась на отношении к иммигрантам. По мнению авторов, выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в 1925 г.» (Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрю тёсэндзин но дзёкё): «японцы рассматривали корейцев как низшую расу» [15, с. 34].

За пять лет до землетрясения Мидзуно Рэнтаро, как министр внутренних дел, участвовал в разработке комплекса мер, принятых правительством для подавления «Рисовых бунтов», после чего его стали рассматривать как специалиста по борьбе с гражданскими беспорядками. После подавления антияпонского «Первомартовского движения» 1919 г. в Корею и объявления в августе о переходе к «культурному управлению» он в сентябре был назначен гражданским губернатором Кореи под началом генерал-губернатора Сайто для руководства администрацией колонии, чем и занимался до июня 1921 г.

И Мидзуно и Акаикэ вошли в историю как «усмирители» национально-освободительной борьбы корейцев в 1919 г. см. Frank Prentiss Baldwin Jr., The March first movement: Korean challenge and Japanese response, unpublished doctoral dissertation, Columbia university, 1969, p. 186-213 [19, с.

187]. Опыт «зачистки» корейского полуострова после антияпонских выступлений сформировал у них отношение к корейскому народу и корейской диаспоре в Японии как к этносу, потенциально склонному к вооружённому мятежу. Поэтому их реакция на слухи об антиобщественном поведении корейцев во время землетрясения была предсказуемой. Министр внутренних дел Мидзуно также не был склонен подвергать сомнению сообщения об асоциальном поведении корейцев, поступавшие утром 2 сентября – «После обдумывания ситуации. . . я пришёл к выводу, что единственно правильным решением будет введение военного положения» [1, с. 11]. 2 сентября во второй половине дня военное положение было объявлено в Токио, и пяти прилегающих к нему районах. [3, с. 388].

По мнению психологов: «Индукции идей способствует ситуация религиозной секты, закрытого тоталитарного общества, ... географической или культуральной (в том числе языковой) изоляции. Легче индуцируются дети и подростки, лица с низким интеллектом. В основе биологии индуцирования лежит эффект ...толпы, при котором конкретное поведение осуществляется быстрее, если оно наблюдается у других» [10, с. 13]. В контексте этой концепции можно предположить, что введение военного положения усилило антикорейские настроения, повысило «градус» кореанофобии. Соня Рян в своём исследовании констатировала: «2 сентября 1923 года, правительство ввело военное положение и с этого момента, внимание населения сфокусировалось на одном социуме, олицетворявшем угрозу общественному порядку – корейской диаспоре» [20].

Последующие действия полиции и армии не оставили у населения сомнений в истинности, распространявшихся о корейцах слухов. Полицейские в Токио и Иокогаме расклеивали объявления и распространяли листовки, призывая сбитых с толку обывателей быть бдительными ввиду возможности беспорядков и агрессии со стороны банд корейских инсургентов [5]. Поскольку из-за стихийного бедствия распространение тиражей газет стало невозможным, Токио нити нити симбун и другие

издания уже со 2 сентября начали печатать настенные газеты-листочки (плакаты), содержащие официальные уведомления государственных органов для населения. В одной из таких первых газет-плакатов содержался призыв создавать отряды самообороны для защиты от социалистов и корейских инсургентов [4, с. 92].

Американский социолог Стэнли Коэн в 1972 г. опубликовал книгу «Народные бесы и моральные паники: возникновение Модов и Рокеров». По мнению учёного, отдельные лица или группы могут в какие-то периоды в глазах народа воплощать образ врага. В общественном сознании они становятся по выражению Коэна «народными бесами»: «...группы индивидов могут быть определены как угроза социальным ценностям и интересам. Особая роль принадлежит массмедиа в формировании имиджа социальных проблем. Медиа выступают в роли агента морального возмущения (нравственного негодования). Их способ предоставления определённых фактов может быть достаточен для возникновения определённого негодования, беспокойства или паники» [14, Ch. 1.].

В атмосфере антикорейской истерии началось создание отрядов самообороны (дзикэйдан). К середине сентября в семи префектурах (Токио, Тотиги, Гумма, Ибараки, Тиба, Сайтама, Канагава) насчитывалось около 3700 таких отрядов самообороны [19, р. 174]. Чиновники не только инициировали создание дзикэйдан, но и способствовали их трансформации из добровольных ассоциаций взаимопомощи и самообороны в по существу вооружённые банды, основной целью которых было преследование корейцев.

Армейские части тоже отличились жестоким обращением и даже убийством ни в чём не повинных корейцев. Этюд Риити, автор дневника рядового в районе землетрясения (Этюд Риити, Канто дай синсай но омоидэ (Мои воспоминания о землетрясении в Канто), Нихон то Тёсэн. сентябрь 1961 г.) описал действия, солдат 13-го полка кавалерии Нарасино, получившие известность как печально известный инцидент Камэйдодо: «С тех пор как 2 сентября около 2 часов мы прибыли в Камэйдодо много людей стали

нашими жертвами. Свою службу полк начал с проверок поездов. Офицер с обнаженным мечом проходил сначала по вагонам, а затем вдоль состава...Обнаруженные корейцы стаскивались на землю и погибали под ударами наших мечей и штыков. Японцы, кипя от негодования кричали «Банзай! Предатели! Убить всех корейцев!». Мы вели охоту и убивали корейцев с вечера до глубокой ночи» [12, с. 285].

рис.2. Японцы над телами убитых ими корейцев

5 сентября, премьер-министр Ямамото выступил с обращением к нации: «Мне сообщили, что граждане предпринимают в отношении корейцев враждебные действия, инспирированные слухами об актах террора, планируемых корейскими инсургентами, в атмосфере хаоса, воцарившегося после разрушительного землетрясения и пожаров. Преследование корейцев японцами не отвечает принципам и постулатам политики ассимиляции Кореи Японией. Если информация об антикорейских погромах просочится за границу это безусловно приведёт к нежелательным последствиям. . . Я искренне надеюсь, что население всерьёз задумается над этим и сохранит самоуважение» [19, с. 181]. Это заявление снизило накал антикорейских настроений, волна погромов пошла на спад.

21 октября были опубликованы результаты проведенного в Токио полицейского расследования преступлений и антиобщественных поступков, вменяемых в вину корейцам, согласно которому 23-м корейцам были реально предъявлены обвинения. На самом же деле 16 из этих 23 найдены, идентифицированы и арестованы не были. Их имена полиции не известны. Из оставшихся 7-ми корейцев один покончил жизнь самоубийством, ещё двое совершили побег из тюрьмы, поскольку схватившие их японцы-члены отряда самообороны пытались убить своих пленников выстрелами из пистолетов, поиск с целью ареста ещё 4-х подозреваемых закончился неудачей [6, с. 57]. В Иокогаме (согласно результатов расследования) уголовные дела были возбуждены в отношении сорока корейцев, большинство из которых не были идентифицированы и задержаны [4, с. 425-426]. И в Токио и Иокогаме, несмотря на широко разрекламированные заявления полиции о правонарушениях, совершённых корейцами и задержании преступников, обвинения против большинства арестованных были сняты (рассыпались) ввиду отсутствия доказательств [6, с. 58].

Число корейцев убитых в регионе Канто в течение первой недели сентября 1923 было предметом серьёзных споров [6, с. 57]. Некоторые источники приводят цифру 6000 чел [12, с. 205-213]. Полицейское расследование антикорейских погромов привело к аресту в Канто 600 – 700 членов дзикэйдан-участников массовых убийств [6, с. 60]. Не всем задержанным японцам были предъявлены обвинения, и в судебных процессах в префектурах Токио и Иокогама, которые шли до марта 1924 года в качестве обвиняемых участвовали только 125 человек. Из них двое были оправданы, 91 человек осуждены условно, и только 32 японца были приговорены к реальным срокам заключения [6, с. 61]. Максимальное наказание – четыре года каторги получили только двое [6, с. 59-60]. Большинство осуждённых были помилованы в связи со свадьбой кронпринца Хирохито в январе 1925 года [6, с. 60].

Феномен антикорейских погромов состоял из двух компонент: 1. Действия разных ветвей власти программного характера с заданными целями и средствами для их достижения; 2. как бы стихийная, массовая антикорейская истерия населения, которая на самом деле была индуктивно наведённой волей институтов власти. Провоцирование японскими властями массовых убийств корейцев имело целью, в том числе, и предотвращение антиправительственных выступлений и волнений после землетрясения в Канто.

Руководство страны помнило Рисовые бунты 1918 г. (массовые беспорядки, вызванные повышением цен на рис, сопровождавшиеся нападением на полицейские участки, рисовые склады, антиправительственными демонстрациями и т.д.) и чтобы исключить их повторение выбрало корейскую диаспору для перевода на иммигрантов вектора массового недовольства людей, потерявших дома, имущество, родственников во время страшного природного катаклизма. Прямых приказов об убийствах корейцев не было, но были многочисленные директивы и инструкции о необходимости контроля, наблюдения, бдительности в отношении иммигрантов, закладывающие в массовое сознание почти аксиоматическое отождествление корейцев с врагами японского общества и государства. Инстинкт классового самосохранения правящей страты выражался в многочисленных, не обязательно управляемых из единого центра, не обязательно координированных акциях информационного (или скорее дезинформационного) характера, формирующих у японского общества образ врага, говорящего на корейском языке.

В ноябрьском номере журнала Тьюо корон за 1923 г. Ёсино Сакудзо утверждал, что готовность японцев доверять слухам о криминальном поведении корейцев объясняется тем, что плачевные результаты японского управления Кореей вызвали широкое недовольство корейского народа. Реакцией японского общества на Первомартовское восстание в Корее стала

скрытая (латентная) враждебность к корейским иммигрантам [4, с. 365]. Ёсино, единственный из публицистов, утверждал, что фундаментальные причины антикорейских погромов - в природе японского колониального господства.

Антияпонские выступления 1919г. в Корее нарушали привычный для японцев установленный порядок. В этом плане убийства корейцев носили для японцев (приверженцев консервируемой языческой религии Синто) в какой-то степени характер религиозно-кровавого обряда восстановления нормы, возврата к стабильности бытия, которую пытались нарушить иноземцы, посягнувшие Первомартовским восстанием на право японского императора управлять «неразумными детьми» (корейским народом). Этому способствовало сформировавшееся в затянувшуюся феодальную эпоху иерархическое мировидение японцев отводившее колонизованному корейскому народу вассальную нишу на нижней ступеньке этнополитической лестницы. Очевидец описывал массовое убийство корейцев 4 сентября толпой прямо в полицейском участке: «толпа выстроила детей перед родителями и затем перерезала им глотки, затем они прибили родителей к стене за запястья и лодыжки и пытали их до смерти. Один японец отпилил руку у живого корейца, большинство из жертв не сопротивлялись. Резня в полицейском участке Nonjo продолжалась всю ночь, погибло около 100 корейцев. Была ли полиция опрокинута толпой, могли ли полицейские остановить погромщиков с помощью оружия или связавшись с армией?» [20]. Соня Рян приводит в своей статье комментарий участника корейских погромов: «Tenka hareteno satsujinda!» - "это убийство признано богами»[20].

Обряды в язычестве призваны «исправить реальность» (например, вызвать выпадение осадков в засуху), преодолеть беспомощность человека перед непознаваемым миром, взять у природы реванш с помощью невидимых духов. В этом плане массовые убийства корейцев в чём-то были похожи на ритуальные человеческие жертвоприношения в империях

мезоамерики (ацтеки, майя). На уровне подсознания язычниками-японцами двигало в том числе и неосознанное желание кровавыми жертвами умиловить неподвластную стихию, предотвратить повторение ужасов землетрясения, страшных пожаров, напоминавших апокалипсис. Как вспоминает ученица 1-го класса повышенной начальной школы Kotobuki в Yokohama Като Фуса: «... На следующий день нам сказали, что убито несколько корейцев. Юки, и я пошли посмотреть. На обочине лежали два мёртвых корейца. Их головы были разможены. Кровь была везде - на их головах и одежде. Японцы пинали даже мёртвых корейцев, приговаривая: "Сволочи, это они вызвали хаос прошлой ночью." Плевали на тела» [20].

Примечательно, как законопослушные убийцы иммигрантов, привлечённые впоследствии к суду, объясняли своё участие в преступлениях. В ответ на вопрос судьи один из обвиняемых ответил: «Да, я участвовал в убийстве трех корейцев. Я знаю, что поступил очень неправильно. В следующий раз, я попытаюсь убежать ...» [16]. Другой подсудимый объяснил, что он просто постучал по голове корейца дубинкой, добавив в своё оправдание, что в этот момент он был пьян [16]. В репортаже из зала суда корреспондент газеты Санъё симпо отметил, что большинство обвиняемых имели начальное (3-4 летнее) образование, «следовательно, причины совершения ими преступлений лежали в их неспособности к сложным умозаключениям» Все подсудимые верили в слухи о корейских мятежах, а некоторые признались, что «считали делом чести убивать злых людей». Отвечая на вопрос судьи: «Что вы сейчас думаете о ваших действиях?» все они растерянно отвечали: «Я думаю, что совершил плохой поступок» [11].

Сумма ответов даёт представление об индуктивном характере антикорейских погромов, совершавшихся «ведомой» толпой в состоянии аффекта, с отношением к корейцам как к существам второго сорта (что соответствовало иерархическому мировидению японцев, еще не перерезавших, пуповину связывавших их с феодальным миром

средневековой Японии). В газете Осака майнити было помещено мнение «известного юриста», защищавшего убийц, который утверждал, что было бы неправильным считать антикорейские действия членов дзикэйдан обычными преступлениями, поскольку это были действия не «здравомыслящих людей», а толпы в состоянии «временного помешательства». Задача адвоката выгородить подсудимого, «объяснить» мотивы его преступления, представив злодея жертвой обстоятельств или некоего кукловода. Но в этом случае довольно здравая аргументация «известного юриста» естественным образом порождает новые вопросы – кто инициатор, индуктор этого массового истероидного действия.

«Индукцированный психоз» – термин, введённый в оборот психиатрами конца 19 века, которые установили, что психические расстройства могут быть «заразными», передаваться во время обмена информацией. Подобно компьютерному вирусу массовый параноидный психоз, может охватить большие группы населения. В полицейском докладе о корейских погромах (Наймусё кэйхокёку хоанка. Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрё тёсэндзин но дзёкё токио 1925) говорилось: «. . . циркуляция слухов о корейцах во время землетрясения, привела население в ярость и возбудила чувство враждебности к корейцам, что стало причиной вспышки насилия» [19, с. 198].

Подданные Микадо даже в судах не слишком раскаивались в убийствах, которые, по их мнению, были совершены во благо государства и по его косвенному указанию. Многие обвиняемые прямо называли полицейских и чиновников как «соучастников-кукловодов». В репортажах из зала суда, публиковавшихся в газетах Токио нити нити симбун и Осака майнити симбун отмечались почти карнавальная атмосфера царившая в суде [13], «остроумные заявления» обвиняемых, вызывавшие смех на галереях [16]. Это подтверждает во многом несамостоятельный характер действий участников антикорейских погромов, совершаемых как бы в состоянии

гипнотического внушения, после выхода из которого человек не воспринимает себя в качестве субъекта совершённых им действий.

Одним из самых убедительных свидетельств об ответственности чиновников за распространение антикорейских слухов была информация не с левого политического фланга, как можно было бы ожидать, а от правых радикалов. Утида Рёхэй, старейшина японских ультра-националистов и лидер Кокурюкай (Общество чёрного дракона), постфактум подтвердил, что полиция несет ответственность за распространение дезинформации о преступном поведении корейцев. По его мнению, «принимая во внимание все факты, похоже, что слухи о корейских бунтах начались с предостережения полиции в Йокогаме. Людям советовали остерегаться действий корейцев и даже убивать их, если они казались подозрительными» (4, с. 243).

Уэсуги Синкити, профессор права Токийского университета, первый президент ультра-националистической организации Кэнкокукай (общество государственного строительства) выступил с критикой действий правительства в отношении корейской диаспоры. В статье, опубликованной в Кокумин симбун 14 октября 1923 г., Уэсуги, «выразив сомнение миллионов», утверждал, что а. полиция распространяла слухи; б. членам дзикэйдан было разрешено носить оружие и были основания полагать, что убийство корейцев было санкционировано; в. никаких попыток подавить насилие не предпринималось; г. сами полицейские незаконно арестовали и убили многих людей [4, с. 148].

Как вспоминала Сакакибара Яэко ученица 1-го класса повышенной начальной школы Котобуки в Йокогама: «Когда я шла мимо полицейского участка, я услышала чьи-то стоны, войдя в ворота увидела пять или шесть человек привязанных к деревьям. Их лица были уничтожены не было ни глаз ни носа, и только их грудь конвульсивно вздымалась. Сколько бы мне ни говорили, что корейцы совершили плохие поступки, я в это не верила. Что стало с людьми, которые стонали от боли в отделении полиции?» [20].

Список литературы

1. Акаикэ Ацуси. Дайсинсай тодзи ни окэру сёкан (Мои мысли во время землетрясения в Канто) // Дзикэй. №51. ноябрь 1923. С. 201-234.
2. Ивамура Тосио. Дзайнити тёсэндзин то нихон родося кайкю (Корейская диаспора в Японии и японский рабочий класс). Токио. 1972. 284 с.
3. Имаи Сэйити. Нихон но рёкиси (История Японии). № 23. Тайсё демократии (эпоха демократии Тайсё), Токио. Тюо коронся, 1978. 393 с.
4. Кан Ток Сан. Гэндайси сирё 6. (материалы по новейшей истории) т.6. Канто дай синсай то тёсэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы) Токио. 1963. 607 с.
5. Кокумин симбун. 14.10.1923г.
6. Мацуо Такаёси. Канто Дайсинсай ка но тёсэндзин гякусацу дзикэн. дзё (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. ч.1) Shiso. № 471. сентябрь 1963. С. 30-48.
7. Мацуо Такаёси, «Канто Дайсинсай ка но тёсэндзин гякусацу дзикэн. гё. (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения в Канто ч. 2). Сисо. № 476. февраль 1964. С. 102-125.
8. Наймусё кэйхокёку (Министерство внутренних дел управление полиции). Тайсё дзюнинэн кугацу цуйтати синсайго кэйкай кэйби иппан (Действия полиции после землетрясения 1сентября 1923 года). без даты. 209 с..
9. Пак Кэн Сик. Дзайнити тёсэндзин ундоси (Социально-политическая история корейцев в Японии). Токио. 1979. 386 с.
10. Психиатрия. Учебное пособие для студентов медицинских вузов / под ред. В. П. Самохвалова. — Ростов н/Д.: Феникс, 2002. — с. 13.
11. Санъё синпо. 26.10. 1923 г.
12. Такахаси Синъити и др. Рёкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тёсэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев). Токио. 1975. 258 с..

13. Токио нити нити симбун 23.10. 1923.
14. Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers. Oxford: Basil Blackwell, 1972. 248p.
15. Mitchell Richard. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967. 285 p.
16. Osaka Mainichi. 23.10.1923.
17. Smethurs Richard J.: A social basis for prewar Japanese militarism: the army and the rural community, xxi, 202 pp. Berkeley, etc.: University of California Press, 1974.
18. Wagner Edward. The Korean minority in Japan 1904-1950 New York: Institute of pacific relations, 1951. 195 p.
19. Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan, 1910-1923. Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989. 248p.
20. <http://www.japanfocus.org/-Sonia-Ryang/2513>.

УДК: 94(57)+316.7

ББК 60.524.56

СИНДРОМ ПОЛЯРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НОРИЛЬЧАНИН МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ

Гонина Н.В., к.и.н.,

доцент кафедры истории и политологии

Красноярский государственный аграрный университет

nvg7@mail.ru

SYNDROME OF POLAR IDENTITY: THE CITIZEN OF NORILSK BETWEEN THE NORTH AND THE SOUTH

Gonina N. V.

candidate of historical sciences